

Нужно прибавить, что если характеристика Иогихеса мало соответствует действительности, то характеристика Кричевского, наоборот, довольно верна. Будущий теоретик „Рабочего Дела“ был плохим революционным практиком и очень легко поддавался различным настроениям.

В пятом письме Плеханов продолжает убеждать Энгельса, чтобы он не давал предисловия к переведенной Кричевским брошюре „Internationales am dem Volksstaat“. Перевод статьи о Ткачеве и послесловие к нему, сделанный В. Засуллич, вышел в августе 1894 года¹⁾. Предисловие написано Плехановым в Морне, в июле 1894 года. Энгельс, как видно, предпочел отказаться совсем от предисловия, которое у него просили обе стороны.

В этом же письме Плеханов, которому из писем Энгельса известно было, какую роль играет Николай Даниельсон, как главный информатор Маркса и Энгельса о России, начинает свою кампанию против „человека, который, при своих знаниях, мог бы дать русской читающей публике нечто лучшее“, но к которому он еще в только что упомянутом предисловии к статьям Энгельса о Ткачеве относится очень мягко.

А Николай—он как раз в это время употребляет все усилия, чтобы убедить Энгельса выступить публично в споре, который завязался в русской легальной литературе в связи с его „Очерками нашего дореформенного общественного хозяйства“. Осторожный Энгельс, продолжая непосредственно убеждать Николая—она в ошибочности некоторых его взглядов, в то же время справляется у Плеханова и других русских марксистов, какую позицию занимает Николай—он в спорах между народниками и социал-демократами.

Обо многих этих вопросах Энгельс мог беседовать с Плехановым, когда последний был выслан в июле 1894 года из Франции и, не имея возможности вернуться в Женеву, уехал в Лондон, где и написал „К вопросу о развитии монистического взгляда на историю“. Этими беседами объясняется, вероятно, в немалой степени категорическая просьба Энгельса—в письме к Николаю—оному от 24 ноября 1894 года—ни в коем случае не цитировать его мнения в полемике с П. Струве. „В самом деле, если бы мои мнения, высказанные в частных письмах, появились в русской прессе, с моего предварительного согласия, то я не имел бы после этого никакого оправдания в глазах моих русских друзей—здесь и на континенте,—которые настойчиво побуждают меня к деятельному вмешательству в русские споры с целью исправить мнение того или другого писателя по тому или другому пункту“.

¹⁾ „Фридрих Энгельс о России“, Женева 1894.

Плеханов продолжал настаивать на этом и после отъезда из Лондона. Энгельс не соглашался. А в начале июня 1895 года уже показались признаки болезни, которая в два месяца положила конец его жизни. Последнее письмо Плеханова—оно писано в начале июня—застало Энгельса уже на смертном одре.

Главные факты из истории рабочего движения начала царствования Николая II теперь слишком хорошо известны, чтобы останавливаться на них. Известны также почти все фамилии, упоминаемые Плехановым. Фрейбергер—врач в Лондоне, женатый на первой жене Каутского, принимавший деятельное участие в рабочем движении в начале 90-х годов.

Письма Г. Плеханова к Рихарду Фишеру не нуждаются ни в каких комментариях. Фишер заведывал типографией и издательством „Vorwärts's“. Когда-то большой радикал, он с тех пор стал очень умеренным и занимает теперь место на правом фланге немецких социал-демократов.

Д. Рязанов.

Письма Плеханова к Энгельсу.

I.

Дорогой и уважаемый учитель!

Сообщаю Вам адрес, о котором Вы меня просили: Madame Bogade-Plekhanoff, 5, Rue des Allemands, Genève.

Я счастлив сообщить его Вам и, следовательно, быть вправе ожидать от Вас письма. Если я сам первый не написал Вам, то это объясняется тем, что я не хотел мешать Вам и заставлять Вас тратить время. Я теперь мечтаю о путешествии в Лондон, где я мог бы увидеть Вас и побеседовать с Вами о положении в России и о моих теоретических работах. Но я еще не знаю, когда мне удастся осуществить эту мечту. Дни, которые я провел в Лондоне в Вашем обществе, принадлежат к самым счастливым моментам моей жизни. Я подготовляю теперь ряд статей (для „Neue Zeit“) о Гольбахе, Гельвеции и Марксе, и чем больше выясняются мои мысли по поводу французского материализма XVIII столетия, тем более восторгаюсь я теми страницами, которые Вы написали по этому поводу в Вашем труде „Людвиг Фейербах“ и т. д. Эта брошюра дает внимательному читателю больше, чем могут дать сотни томов, написанных официальными философами, философами ex professo. Мне говорили, что Вы написали несколько доброжелательных слов обо мне Каутскому по поводу моей статьи о Гегеле. Если это верно, то мне не надо лучшей похвалы. Все, чего я бы желал, это быть не совсем недо-

стойным учеником таких учителей, как Маркс и Вы. Привет гражданке Элеоноре Маркс-Эвелинг и ее мужу. В. З. ¹⁾ сердечно кланяется Вам. Примите, дорогой учитель, уверение в моей искренней преданности.

Г. Плеханов.

Р. С. Вот уже больше 3 месяцев, как я вернулся в Женеву, благодаря влиянию молодой женеvской рабочей партии. Но дело еще не решено окончательно. Возможно, что мне придется опять уехать во Францию, где я жил (в департаменте Верхней Савойи) последние 3 года.

Г. П.

Женева, 25 марта 1893.

II.

Мой дорогой учитель!

Податель этого письма, Алексей Воден, молодой русский студент из наших друзей, очень прилежный и очень способный. Единственное несчастье его состоит в том, что он слишком много работал, работал до тех пор, пока не заболел: он стал ужасно нервным. Уезжая в Лондон, он просил меня рекомендовать его Вам. Делаю это тем более охотно, что убежден, что Вам интересно будет видеть одного из лучших представителей нашей русской молодежи. Он славный малый, и я уверен, что он извлечет большую пользу из знакомства с Вами. Он не то, что немцы называют ein Mann der That, но он действительно чрезвычайно способен к теоретическому труду, а Вы хорошо знаете, что люди этого закала часто очень полезны для движения.

В. З. кланяется Вам и в свою очередь просит Вас хорошо принять нашего молодого друга. Путешествие в Лондон и Ваши беседы составят эпоху в его жизни.

Примите, дорогой учитель, уверение в полной моей преданности. Привет м-ме Луизе Каутской. Я имел удовольствие познакомиться с ней в Цюрихе.

Г. Плеханов.

Génève, 5, Rue des Allemands.
2 апреля 1893.

III.

Отрывок.

У меня нехватает почтовой бумаги. Извините меня. Единственная лавка в деревне, где я живу (Морнэ), очень далеко, а дождь льет, как из ведра. Я продолжаю:

Вы видите, что если во времена Маркса наши революционеры

¹⁾ В. Засулич.

могли черпать некоторую энергию в той идее, что Россия не пройдет через фазу капитализма, то та же самая идея в наше время становится чрезвычайно опасной утопией. В настоящее время безусловно необходимо бороться с ней.

Кстати. От времени до времени английские консулы печатают отчеты о состоянии промышленности в разных странах. Составляют ли эти отчеты отдельные книги, или они печатаются в каких-нибудь официальных журналах? Каково их точное заглавие? Вы сильно обяжете меня, если сообщите мне кое-что по этому поводу.

Несколько лет тому назад очень много писали о книге одного англичанина о русской промышленности. По-русски фамилию этого англичанина писали Эджворт, я не знаю, как ее пишут по-английски. Знакома ли Вам такая книга? Известны ли Вам вообще английские книги, трактующие этот вопрос? Что говорят английские газеты о русских товарах на Чикагской выставке? Напишите мне об этом несколько слов.

Я говорил Вам о полемике Михайловского против Вас и против Маркса. Вот образчик его аргументации. Я цитирую то, что Вы пишете в „Людвиге Фейербахе“ по поводу одной из Ваших рукописей, написанной 50 лет тому назад: „она показала мне, как неполны были в то время наши экономические познания“. „Вы видите, — восклицает г-н Михайловский, — их познания были недостаточны в то время, а между тем их исторический материализм возник уже тогда, следовательно, он построен на недостаточном основании“. Ну, разве это не очень остроумно? И этот господин наиболее интеллигентный из этих господ искателей настоящего экономического пути для Святой Руси! Это тот самый господин Михайловский, против которого было направлено письмо Маркса. Мне кажется, что в проекте Маркса письмо должно было быть адресовано не Михайловскому, а редактору „Вестника Европы“. Этот господин до комизма гордится этим письмом. Он следующим образом излагает весь этот инцидент. До прочтения его статьи: „Карл Маркс перед судом Ю. Жуковского“ Маркс думал, что Россия должна пройти через капитализм; но, прочитав эту замечательную статью, он изменил свое мнение. Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно, как говорит наш Лермонтов.

Пишите мне, — если у Вас будет охота, — по адресу моей жены: Bograde-Plekhanoff, 5, Rue des Allemands, Génève. Меня опять выслали из Женевы, и возможно, что меня выпшют также из Франции.

Если Вы увидите Бернштейна, спросите его, что случилось с моей статьей об анархистах; кончил ли он перевод? Привет от всех нас.

Преданный Вам Г. Плеханов.

IV.

Мой дорогой учитель.

Группа Кричевского, Игнатьева и компании составляет совершенно особую группу, заслуживающую подробной характеристики. Кричевский находится за границей с 1887 г. Он не принимал активного участия в русском движении. Он жил в каком-то провинциальном городе, где принадлежал к одному из тех кружков молодежи, которые занимаются чтением и распространением революционных брошюр, если к этому представляется случай. Как ни было невинно подобное занятие, его было достаточно, чтобы скомпрометировать Кричевского. Он покинул Россию. В то время багаж его социалистических идей был очень легковесен и в особенности очень мало ценен: русский народник, т. е. наполовину демократ, наполовину анархист. Но этот человек не лишен некоторой дозы интеллигентности. Он читал и учился за границей. Он понял, что его социализм не имеет ничего общего с современным социализмом. Он становится социал-демократом. Некоторое время он был с нами. Но, мало активный по своему темпераменту, он не мог много сделать, в особенности, благодаря своему положению эмигранта, совершенно неизвестного в России. Он учился, делал переводы для немецких социалистических газет (он перевел почти все мои статьи для „N. Z.“; он перевел мои статьи о Чернышевском); он написал для „N. Z.“ статью под заглавием „Русское революционное движение прежде и теперь“ (1890). Если Вы читали эту статью, она должна была произвести на Вас неприятное впечатление: слишком много доктринерства, слишком мало понимания революционной стороны нашего движения. Кричевский принадлежит к тому типу талмудистов новейшего социализма, которые умеют схватить его букву, но не дух. Он представляет нечто вроде „истинного“ социалиста, возмущающегося против всего, что хотя бы сколько-нибудь противоречит формулам, запечатлевшимся в его памяти. Но так как он никогда не пользовался влиянием, то с ним худо ли, хорошо ли можно было бы столкнуться, если бы он не встретился с неким Иогихесом, его злым гением, его теперешним вдохновителем.

Что касается г-на Иогихеса (его псевдонимы: 1) Грозовский, 2) Левка; под этим последним именем он известен Менделесу и его друзьям), то он оставил Россию, чтобы уклониться от неприятностей военной службы. Но до совершения этого акта практического антимилитаризма он принадлежал к революционной группе в Вильне. Он содействовал доставке в Россию нескольких кило революционных книг; он вел сношения с пограничными евреями-контрабандистами. Его молодые друзья (по большей части, гимназисты)

объявили его большим конспиратором. Но его несчастье состоит в безграничном тщеславии и в том, что он совершенно не стесняется в средствах. Его идеалом практического человека является Нечаев, приемы которого Вам известны. Но как ни был ограничен Нечаев, у него не было недостатка в энергии, и он не щадил своей собственной жизни. Нечаев в миниатюре, Иогихес обладает энергией только для интриг за границей. На этом поприще он неутомим, неисчерпаем и в особенности беспристрастен. Будучи родом из Вильны, он знает польский язык, и пользуется этим, чтобы интриговать как среди поляков, так и среди русских. Менделесон рассказывает Вам, что он сделал, чтобы повредить польскому движению. Я расскажу Вам его поступки, касающиеся русского движения.

Пока он был в России, Иогихес выдавал себя за народовольца. Но уже тогда он понимал, что общее течение уже не в пользу Народной Воли. Приехав за границу, он объявил себя социал-демократом. Он старался сблизиться с нами. У нас не было никакого желания отталкивать его. Он обратился к нам за советами относительно его будущей деятельности. Мы ему ответили, что, ввиду того, что, по его словам, он обладает организаторским талантом, он должен поехать в Россию.—Но у меня нет паспорта.—Вы его получите.—У меня нет денег.—Они найдутся. Когда все трудности были устранены, и надо было ехать, Иогихес заявил, что он получил от одного из своих друзей 15 тысяч рублей „для дела“ и что он считает себя обязанным остаться за границей, чтобы сделать хорошее употребление из этих денег (!). Я и до сих пор не знаю, откуда взялись эти деньги; я думаю, что он имел их уже во время переговоров с нами (говорят, что мать его очень богата). Как бы то ни было, г-н Иогихес предложил нам новые условия: 1) он остается за границей; 2) он употребляет проценты с капитала для нужд движения; 3) во всяком предприятии он один имеет столько голосов, сколько мы все: все наши сношения с нашими товарищами в России отныне будет вести один, мы должны ему передать все наши адреса, все наши знакомства (это последнее условие делало его иногда почти подозрительным). Мы поняли, что этот человек только революционный карьерист, Streber, как говорят немцы. Наши взаимные отношения стали очень холодными. Он дал, однако, немного денег для наших изданий, но в то же самое время он вел глухую кампанию против нас везде, где он только мог. Он искал случаев составлять нам оппозицию.

Первым таким случаем явился голод в России. Мы говорили во всех наших брошюрах и во всех письмах, посылаемых в Россию, что наши товарищи должны воспользоваться положением для конституционной агитации. Г-н Иогихес третирует нас, как изменников социализма: „для истинного социалиста конституционная агита-

ция не имеет смысла". Отсюда Вы видите глубину его идей. Но он еще не боролся с нами открыто; он только угрожал нам, что перейдет на сторону Лаврова. Это нас очень мало трогало, тем более, что у Иогихеса, по нашему мнению, было достаточно ума, чтобы понять, что Лавров остается все более и более одиноким, изолированным. И в самом деле Иогихес не совершил этой ошибки. Но он сумел привлечь на свою сторону Кричевского и вместе с ним начал издавать "Социал-Демократическую Библиотеку". Вдруг Кричевский стал нашим ожесточенным врагом.

Между тем, открылся Цюрихский конгресс. Иогихес, который, как я уже говорил, беспристрастно интриговали среди поляков, и среди нас, основал за две недели до конгресса социалистический польский журнал "Sprawa Robotnicza" (Рабочее Дело); во времени конгресса появился только один номер его. Но не важно. Он послал некую Люксембург в качестве делегатки журнала. Делегатка Иогихеса, в компании с другим "товарищем", представила лживый и незуитский отчет о движении в Польше. Вся польская делегация с негодованием отвергла ее. Она обратилась ко мне, указывая, что, ввиду того, что она родилась в русской Польше и что ее друзья работают там, она не хочет быть с поляками, а хочет быть с русскими. Несмотря на протесты польской делегации, Бюро допустило м-лле Люксембург. Поляки апеллировали к конгрессу. Голосование происходило по национальностям; конгресс аннулировал решение Бюро. Я голосовал с польской делегацией, против допущения м-лле Люксембург. Я не мог поступить иначе, потому что, поддерживая предложение об аннулировании польской делегации (т. е. предлагая делегатам русской Польши войти в русскую делегацию, делегатам Австрии в австрийскую делегацию и т. д.), я требовал бы нового раздела Польши, другими словами—я сделал бы колоссальнейшую глупость. Г-н Иогихес воспользовался этим вторым случаем, чтобы назвать меня—на этот раз открыто—предателем социализма и союзником буржуазных патриотов (эти буржуа: это—Мендельсон и его друзья). Г-н Кричевский поднял еще больший шум, и раскол совершился. Впрочем, гражданка Элеонора Маркс-Эвелинг знает перипетии этой борьбы членов конгресса против и за прекрасную м-лле Люксембург. (На конгрессе она фигурировала под другим именем.)

По случаю столетней годовщины польской революции 1794 г. Иогихес и компания метали против меня громы и молнии, как только он узнал, что комитет праздника пригласил меня выступить с речью.

Кстати, именно интриги этих господ и польских друзей м-лле Люксембург заставили меня спросить через посредство Бернштейна Ваше мнение об этом деле. Я думал, что Мендельсон уже информировал Вас о том, что происходило в Цюрихе.

Празднество происходило 14 мая. Приехав в Цюрих, я узнал, что внутри комитета произошло несколько революций (Polska nie gładem stoi) и что в данном случае верховодят чистые патриоты (более или менее католической окраски). Я обратился за советом к нескольким польским социалистам, жившим в Цюрихе. Они сказали мне, что они все равно придут на празднество и что они просят меня притти говорить. Я не отказался. В первой половине своей речи я привел Ваше и Маркса мнение о польском вопросе, во второй половине я сказал, что, как русский, я от всего сердца за независимость Польши, потому что я убежден, что, чем больше в Варшаве господствует порядок, тем больше вешают в Петербурге. "Чистые" и "истинные" во вкусе г-на Иогихеса не преминут напасть на меня после моей речи, как они это делали до нее. Но я считаю свою позицию неприступной.

Но вернемся к делу.

Все предприятие Кричевского и Игнатьева (я не знаю этого господина; я думаю, что это новый псевдоним Иогихеса, который хотел бы испытать его на литературном поприще) направлено непосредственно против нас и против поляков при посредстве м-лле Люксембург. Оно имеет целью создать pedestal г-ну Иогихесу. "Нам не хватает популярности", наивно говорил Кричевский одному из моих друзей. Для приобретения популярности, переводят Маркса, просят у Вас предисловий. Популярность этих господ сильно повредит русскому, а также польскому движению. Я уверен, что Вы не захотите поддерживать такого жалкого дела.

Вас удивляет, что эта компания сделала новый перевод "Наемного труда и капитала". Более того. Как только появилась Ваша брошюра "Internationales" и т. д., Вера Засулич перевела Ваш ответ Ткачеву и Nachtrag. Я предупредил Кричевского, что мы собираемся издать этот перевод. Он сделал другой перевод, который он издает теперь и для которого он просит у Вас предисловие. Они хотят создать такую же анархию, какая царствует среди народовольцев, где всякий делает то, что он хочет.

Десять лет тому назад Засулич, сделав перевод Вашего "Развития социализма", просила у Вас разрешения издать на русском языке Ваши произведения и произведения Маркса. Вы не отказали нам в этом разрешении. Засулич считала, что поступает соответственно этому, когда переводила "Soziales aus Russland". Но два издания в одно и то же время не имеют никакого смысла. Бесполезно говорить, что мы с радостью напечатаем предисловие, если Вы нам его дадите.

Я нахожу теперь, что уже давно должен был написать Вам обо всем этом. Но Вы понимаете, как это тяжело. Это пахло бы интригой, а я ненавижу интриги.

Я прочел свое письмо Аксельроду. Он совершенно согласен со мной. Засулич могла бы еще кое-что прибавить к характеристике Иогихеса, который внушает ей глубокое отвращение.

Аресты в России, к сожалению, очень многочисленны. Арестовано много интеллигентов („intelligentia“). Но удар далеко не непоправим.

Привет Вам, дорогой учитель. Прошу Вас передать привет Бернштейну. Я очень благодарен ему за его истинно-дружеское письмо. Из „N. Z.“ я узнал, что только что появился немецкий перевод моего Чернышевского. Я позволю себе послать Вам экземпляр.

Я ничего не сказал в моем письме о польских делах. Скажу только одно: Мендельсон, может быть, сделал ошибки, но не Иогихес и компания спасут положение.

P. S. Аксельрод считает нужным, во избежание недоразумений, прибавить, что мы предлагали Иогихесу поехать в Россию лишь после того, как он много раз выражал желание совершить эту поездку. Иогихес всегда выражал сильное презрение по отношению к тем революционерам, которые оставались за границей без абсолютной необходимости. Привет от нас всех. Преданный вам

Г. Плеханов.

Так как я останусь еще некоторое время в Цюрихе, прошу Вас адресовать Ваш ответ—если ответ будет, а мы будем ждать его с нетерпением—Аксельроду, 33, Mühlegasse, Zürich.

Цюрих, 16 мая 1894.

V.

Дорогой гражданин Энгельс,

Спешу Вам ответить, но разрешите мне начать с самого интересного вопроса: Н.—он и его книга.

Вы говорите, что он боялся последствий нашествия капитализма в Россию. Это вполне понятно, но, с другой стороны, в чем и каким образом русская сельская община помогла бы нам избежать тех зол, которых он опасался? Каково современное положение этой общины?

Уже в 1879 г. известный Орлов (основатель статистики русских земств) писал в своей книге: „Формы землевладения в Московской губернии“, что для самых бедных членов общины (а их очень много) она стала вредным институтом (для беднейшей части крестьян община стала тормозом, бичем. Бич—fléau). Не имея средств для обработки своих земель, эти члены общины платят однако налоги, как если бы они пользовались своими наделами. Эти налоги (а они очень высоки) правительство берет с их заработной платы в качестве фабричных рабочих. При этих условиях

разрушение общины было бы очень чувствительным облегчением для этих людей. А у правительства было бы одним поводом меньше заставлять платить тех, которые что-нибудь имеют, за тех, которые ничего не имеют; вместе с общиной отпадает и круговая порука. Слепленние наших народников и даже наших либералов по поводу общины идет так далеко, что они сами говорят правительству: но кто же будет платить налоги, если община будет разрушена? Вы согласитесь, что это значит слишком далеко заходить в своей наивности, если не в глупости. Они повторяют здесь то, что сказал уже наш Торквемада-Победоносцев, который в очень интересной статье в реакционном „Русском Вестнике“ говорит: сельская община спасет нас от рабочего движения и от социализма. И в самом деле, старый общинник (член общины) был так мало революционер, что русский царизм мог бы существовать еще тысячи лет, если бы экономическое движение не преобразовало его способа существования, а затем и его образа мыслей. Теперь можно без всякого преувеличения сказать, что чем больше разрушается наша старая экономическая структура, столь любезная Н.—ону, тем больше мы приближаемся к революции.

Н.—он ставит вопрос о капитализме так, как будто его еще нет в России. На самом же деле мы уже страдаем от капитализма и страдаем еще потому, что капитализм у нас слабо развит. Одно страдание над другим, это в сильной степени увеличивает наши экономические бедствия, не говоря уже о нашем политическом положении, которое превосходит все, что можно сказать дурного о нем.

Но предположим, что община—наш якорь спасения. Кто осуществит предлагаемые Н.—оном реформы? Царское правительство? Лучше чума, чем реформы, исходящие от подобных реформаторов! Социализм, насматриваемый русскими исправниками, что может быть более химерического?

Впрочем, правительство делает все возможное, чтобы разрушить злосчастную общину.

Последние аресты в России коснулись приблизительно 2.000 человек. Большая часть арестованных уже освобождена.

Перейдем теперь к Кричевскому.

Если судить по отрывку из его письма, на которое Вы ссылаетесь, то он сам признает, что он знал о нашем намерении издать Вашу брошюру lange vor dem 10.—mai (задолго до 10 мая). Он говорит только, что он знал о этом aus dritten Hand (из третьих рук). Но „Hand“ (источник), из которого он об этом знал, это наборщик их собственной типографии. При демократических нравах русских революционеров наборщик типографии—это почти что член редакции. А что касается наборщика, то я сообщил ему о нашем намерении

именно для того, чтобы он сообщил об этом Кр. Он мне ответил через одного из наших болгарских друзей, который вместе с тем и его друг, что он сообщил об этом намерении редакции „Социал-Демократической Библиотеки“, но что редакция настаивает и хочет безусловно, чтобы он начал набирать брошюру.

Кричевский утверждает, что мы обязаны были сообщить в печати о нашем намерении издать эту брошюру. Это, может быть, было бы полезно, но не с точки зрения психологии г-на Кричевского, который принял твердое решение издать брошюру во что бы то ни стало. По правде сказать, я не напечатал объявления, чтобы избавить читателей от удивления по поводу этого двойного издания социал-демократами одновременно одной и той же брошюры. Я знал, что по этому поводу будут очень много говорить, и чтобы избежать этого, я готов был писать Вам и спросить у Вас совета, но воздержался от этого по соображениям, о которых я писал в своем письме из Цюриха.

Но я хорошо помню, что наборщик Кр. и комп. несколько раз говорил нашему посреднику: Плеханов хорошо бы сделал, если бы лично написал Иогихесу. Я считал такой поступок бесполезным, так как знаю г-на Иогихеса. Теперь я предполагаю, что редакция „Социал-Демократической Библиотеки“ написала своему наборщику, что она не считает его письмо официальным. Она уже тогда склонна была говорить о его письме, как об известии, полученном из третьих рук („aus dritten Hand“). Так как наборщик, работая у них, хорошо относился к нам (лучше, чем к ним), он хотел бы своим советом заставить меня помешать проекту Иогихеса. Но довольно, эти господа были хорошо и надлежащим образом предупреждены.

Само собою разумеется, что, приводя им этот факт, Вы не называете имени Иогихеса; меня обвинят в разоблачении псевдонима. Фамилия наборщика Блюменфельд.

Нахальство Крич., как общее правило, не удивляет меня. Нахальство в его натуре. Но чтобы он был нахален даже по отношению к Вам, это удивляет меня даже с его стороны.

Со дня на день я и Вера (которая живет здесь под псевдонимом) ждем высылки. Казимир Перье не будет нас долго щадить. Жандармы и шпионы постоянно шныряют около нашей квартиры.

Итак, мы вероятно очень скоро увидимся. Привет Вам, Бернштейну, Эвелингам и м-ме Луизе Каутской. В. З. всем Вам кланяется.

Преданный Вам Г. Плеханов.

Моглек, 10 июля 1894 г.

VI.

Дорогой генерал,

Я несколько раз приходил к Вам, когда Вы менее всего этого ожидали. Вероятно, Вас очень удивляли эти несвоевременные визиты. Скажу вам в чем дело.

У Вас есть несколько редких книг („Neue Rheinische Zeitung“, напр., газета и журнал), которые я с нетерпением жажду, по крайней мере, просмотреть, если уж нельзя их прочесть. Я приходил просить у Вас разрешения придти рыться в них у Вас. Но каждый раз у меня не хватало мужества, потому что я говорил себе, что это будет Вам мешать. Но надо однако покончить с этим вопросом, и я прошу Вас написать мне, возможно ли это дело, и когда мое посещение будет наименее неприятно для Вас.

Я считаю задачей моей жизни пропаганду Ваших идей и идей Маркса. Я должен поэтому быть хорошо с ними знаком. Вот смягчающее обстоятельство, которое Вы, надеюсь, примете во внимание.

30 октября 1894.
95, St Stephens Avenue, 95
Shepherd's Bush, W.

Преданный Вам Г. Плеханов.

VII.

Женева, 2 февраля 1885 (1895).

Неделю тому назад я послал Вам через Веру русскую книгу, по поводу которой мне было бы очень любопытно знать Ваше мнение. Но очень возможно, что Вы еще не получили книги, так как Вера, как видно, очень больна. Именно о ее болезни я и хочу с Вами поговорить.

Со времени ее пребывания в Швейцарии Вера так мало заботилась о себе, что только по нашим настояниям она соглашалась принимать некоторые лекарства. Теперь она далеко от нас, и я уверен, что она совершенно отказалась от лечения. Ее надо заставить лечиться. Доктор Фрейбергер окажет нам огромную услугу, если будет посещать Веру и выслушивать ее. Я не пишу ему непосредственно, так как предполагаю, что он может быть очень занят и что поэтому моя просьба будет ему неприятна. Если нет,—а Вы знаете это лучше кого бы то ни было,—поговорите с ним о Вере и попросите его написать мне пару слов о состоянии нашей упрямой больной. Кланяйтесь ему от меня, ему и madame Фрейбергер.

Вы вероятно читали в газетах, что Николай II заявил, что он пойдет по стопам своего „незабвенного“ родителя. Это поддаст либерального духа нашему „обществу“, которое в этом очень нуждается.

Мы, конечно, не будем на это жаловаться.

Я надеюсь, что Вы здоровы, несмотря на русские холода, которые стоят теперь в Лондоне.

Я, моя жена и Аксельрод, который теперь в Женеве, мы все шлем Вам сердечный привет.

Преданный Вам Г. Плеханов.

VIII.

Женева, 20 февраля 1895 г.

Генерал,

Я не ответил Вам немедленно, потому что понимал, как трудно устроить это дело. Очевидно, что Фрейбергеру неудобно явиться в качестве врача без приглашения Веры. С другой стороны, если бы Вера решилась говорить о своей болезни Барнштейну или Элеоноре Маркс-Эвелинг, это было бы уже началом благоразумия, что при ее характере кажется мне совершенно невозможным. Из этого положения есть только один выход: это напасть на Веру, когда она придет к Вам. Видя, что Вы на моей стороне, она сдастся без боя.

Я послал Вере январский № „Русского Богатства“. В этом № есть критика Вашей книги „Происхождение семьи, собственности и т. д.“ некоего Зака. Это господин, совершенно неизвестный в нашей литературе, и, если судить по началу, он ничего хорошего не обещает. Критика эта нелепа, как и все нападки этого журнала, направленные против Вас и против Маркса. Что меня удивляет, это что г-н Даниельсон продолжает сотрудничать в журнале, характер которого теперь уже вполне определен. Впрочем, сам Даниельсон в статье, направленной против П. Струве, говорит о правительстве Николая II, как о правительстве, которое может взять на себя дело „организации производства“ в нашей стране. Уже по одному этому он является реакционером и утопистом в одно и то же время. Меня совершенно не удивляет подобный вздор со стороны Михайловского. Уже во времена Лорис-Меликова он ясно изложил свою „программу“, в которой царское правительство фигурирует в роли мирового и организатора. Но переводчик „Капитала“ должен был обладать большим политическим тактом. Даниельсон причинит много зла нашему революционному движению. Может быть, Вы могли бы высказаться по поводу этого вопроса, напр., в „Neue Zeit“. Это такой важный вопрос, что ему стоит посвятить несколько страниц. И Ваш голос быстро положил бы конец всяким „превратным толкованиям“ этого господина.

Если наши „wahre Sozialisten“ („истинные социалисты“) порядочно реакционны, за то наши земства зашевелились. Вы, без сомнения, знаете о петиции Тверского земства? Петиция Черниговского земства еще более определена. Молодой идиот Зимнего дворца своей речью оказал огромную услугу революционной партии. Прошу Вас передать мой привет Фрейбергерам и Эвелингам.

Преданный Вам Г. Плеханов.

Р. S. Читали ли Вы лекцию Жореса об идеализме и материализме? Странный „философ“ этот господин Жорес!

Мой телерешный адрес: 6, Rue de Candolle, Genève.

IX.

3 марта 1895 г.

Генерал,

Прежде всего о Вере. Благодарю Вас за Ваше великодушное предложение, которое я рассматриваю, как трогательное доказательство Вашей дружбы к нам, но даю Вам честное слово, что Вера не нуждается в деньгах. Я надеюсь, что она еще долго не будет в них нуждаться. К сожалению, по отношению к ней дело не в политике денег, но в том, чтобы заставить ее тратить их. У нее есть свои принципы, она не позволяет себе „роскоши“, а она называет роскошью то, что другие называют необходимым. В этом она несправива. Когда мы вместе жили в Морне, я заставлял ее иметь здоровую и разнообразную пищу, заказывая ее хозяйке для нее обеды каждый день. В Лондоне, будучи одна, она пользуется своей свободой совершенно не обедать. Кусок жареного мяса, иногда две чашки чая или кофе с несколькими хлебами—вот ее обыкновенная пища. Я браню ее за это во всех моих письмах, но она не обращает на это внимания. Что могу я сделать при этих условиях. Это поистине непростительная растрата сил, драгоценных для нашего движения. Побраните ее с своей стороны,—Вы нам окажете услугу.

Я прекрасно понимаю, что чтение „Русского Богатства“ не приятельное дело для Вас. Но мы принуждены это делать во всяком случае. Мне кажется, что Вы не имеете точного представления о политическом критицизме этих господ. Приведу пример. В конце царствования Александра II, во время диктатуры Лорис-Меликова, когда существовала некоторая свобода печати, тот же самый г. Михайловский, с которым мы теперь полемизируем, писал в одной из своих статей, что в России миссия решения социального вопроса принадлежит правительству. На Западе дело обстоит не так, говорил он, но мы вовсе не западники. Это было на

писано тогда, когда революционеры вели с русским правительством борьбу на жизнь и смерть и когда это правительство ставило себе вопрос, не уступить ли. Вы видите отсюда, как этот вид утопического социализма, поборником которого является Михайловский, реакционен и вреден у нас. В данный момент, когда так называемое общество будирует против Николая II, Даниельсон, „друг Маркса“, переводчик „Капитала“ (между прочим, переводчик, принадлежащий к категории traditori¹⁾), „истинный марксист“ и т. д., и т. д., и т. д., опять удивительно кстати начинает разводить ту же самую чепуху. Будь я на месте Николая, я наградил бы орденом г-на Даниельсона!

Положение у нас так ясно, что не надо долго его изучать, чтобы осудить Staats-Sozialismus (государственный социализм) Даниельсона. Несколько слов осуждения с Вашей стороны имели бы большое значение, и именно об этой поддержке русской революции говорил я в своем предыдущем письме. Так как Вы очень заняты, то я больше не говорю об этом. Но если речь идет о выборе между Даниельсоном и Лориа, то я скажу Вам: генерал, выбирайте Даниельсона: это важнее.

При этом я прилагаю ответ русских либералов на знаменитую речь Николая. Письмо было перепечатано в Лондоне, но оно подлинное. Оно обошло всю Россию прежде, чем попало в Лондон. Из письма Вы увидите, что мы можем надеяться на лучшие времена.

Что касается меня, то я думаю, что через 4—5 лет в России возродится терроризм. Желательно это, или нет, но это неизбежно. Прошу Вас передать от меня привет и благодарность Фрейбергеру.

Преданный Вам Г. Плеханов.

6, Rue de Candolle.

X.

6, Rue de Candolle.

Мой дорогой генерал.

Прошла уже целая вечность с тех пор, как я не писал Вам. Этому мешала работа, усталость и постоянное недомогание, следствие усталости и сидячей жизни, которую я веду. Но мне многое нужно Вам сказать.

Вы уже знаете, что Николай младший оказался отъявленным реакционером. После нескольких незначительных попыток либерализма он решил придерживаться того же направления, которого держался его дорогой родитель. Дурново и другие действующие лица предшествовавшего царствования могут только радоваться. Проявляются большие строгости по отношению к печати, аресты не прекращаются.

¹⁾ traditore по-итальянски значит предатель. (Прим. перев.).

В начале мая (старого стиля) в Москве был сделан набег и было арестовано около 80 человек обоего пола. Этот удар постиг либералов и социал-демократов. Среди арестованных много рабочих. Аресты среди рабочего класса явились результатом первого мая, которое праздновалось в Москве на собрании, в котором участвовало 126 делегатов рабочих групп. Это празднование было в то же самое время чем-то вроде местного съезда Москвы и ее окрестностей. Полиция пронюхала о том, что произошло, и наносила свои удары наудачу, так как она ничего определенного не знала. Однако она захватила несколько человек действительно „виновных“ с ее точки зрения. Особенное усердие полицейских вызвала Ярославская стачка, о которой Вы, без сомнения, слышали. В самом начале мая (старого стиля) забастовало 8.000 рабочих. Были вызваны солдаты. Между войсками и стачечниками произошло настоящее сражение. Во семь рабочих было убито, 16 ранено. Последние известия, которые я имел об этом деле, были от 8 мая, т. е. 20 мая нового стиля; стачка еще продолжалась. Я еще не знаю, в каком положении дело теперь.

Известия из Петербурга также не блестящи. Вернее сказать, они хороши, поскольку речь идет о всеобщем недовольстве; революционное движение теперь сильнее, чем было за последние десять лет, но правительство заняло оборонительную позицию. В России начинается горячее время. Co to będzie, co to będzie! (Что же будет, что же будет!).

Спасибо за „Klassenkampf“. Кстати. Разрешите ли Вы нам перевести Вашу книгу о „Положении рабочего класса в Англии“ и Вашего „Dühring's Umwälzung“? Это для издания в России. Но... там есть цензура, и в данный момент она не особенно любезна. Наоборот.

Посылаю Вам русскую брошюру. Прочтите конец этой брошюры, и Вы увидите, что борьба наших народников „против капитализма“ все более и более вырождается в союз с царизмом. Самая лучшая критика этой великолепной „программы“ содержится в Коммунистическом манифесте („истинный немецкий социализм“). Sic transit gloria народников! И Даниельсон в этой компании! Как Вы поживаете, дорогой генерал? Часто ли Вы видите Веру? Привет Бернштейнам, Эвелингам, Фрейбергерам, Мендельсону и всем Вашим лондонским друзьям. Сердечно преданный Вам

Г. Плеханов.

P. S. Вы очень обяжете меня, если пришлете новую книгу Лориа.